

УДК 323.1

ПАРИТЕТ ЭТНИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

THE PARITY OF THE ETHNIC INTERESTS OF RUSSIAN FINNO-UGRIC REGIONS AND NATIONAL INTERESTS OF THE STATE AS A FACTOR OF NATIONAL SAFETY

Е.В. Суслов
E.V. Suslov

Марийский государственный университет, Россия, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Mari State University, 1 Lenin sq., Yoshkar-Ola, 424000, Russia

e-mail: esuslov@mail.ru

Аннотация. Необходимость написания предлагаемой статьи обусловлена недостаточным вниманием структур федеральной власти к проблеме региональной безопасности по причине ее кажущейся незначительной масштабности в обеспечении национальной безопасности страны, наличием противоречия в федеративных государствах по поводу разграничения компетенции органов государственной власти федерального центра и субъектов федерации, недостаточностью нормативных императивов в сфере отношений между центром и регионами для сохранения статус-кво. Целью написания работы является доказательство того, что национальная безопасность обеспечивается не только опорой на конституционные prerogatives Федерации, но и с помощью разумной этнокультурной политики, проводимой в регионах. Основными этапами аргументации в статье стали актуализация рассматриваемой проблемы с позиций обеспечения национальной безопасности России, которая логически перешла к рефлексии разнообразных теоретических подходов к отношениям центра и периферии. Автор пришел к заключению о мирном характере колонизации великороссами территорий проживания финно-угорских народов, о способности к сохранению ими своей национально-культурной идентичности. Сделан вывод о том, что стремление финно-угорских народов России к определенному уровню самоорганизации не противоречит интересам российского государства, напротив, оно способствует децентрализации и деэтизации государства и как следствие – усилению ее политической устойчивости.

Resume. The article deals with question of insufficient attention to the structures of federal authorities to the problem of regional safety because of its insignificance scale to the national security, presence of contradictions in federal states about the distribution of powers of state authorities of federal center and federal subjects, failure of regulatory imperatives in the field of relations between the centre and regions to preserve the status quo. The purpose of this article is proof that national security is ensured not only by relying on the constitutional prerogatives of the Federation, but through the intelligent ethno-cultural policies in the regions. The main stages of reasoning in the article is actualization of the problem from the standpoint of ensuring national security of Russia, which logically turned to reflection of variety of theoretical approaches to the relationship between the center and rimland. The author came to the conclusion about the peaceful disposition of colonization by Great Russians the residential areas of Finno-Ugric peoples, the ability to preserve their national and cultural identity. It is concluded that the desire of the Finno-Ugric peoples of Russia to a certain level of self-organization does not contradict the interests of the Russian state, on the contrary, it contributes to decentralization and deetatzarea of state and, as a consequence, to strengthen its political sustainability.

Ключевые слова: региональная безопасность, федеральный центр, субъекты федерации, периферия, этнические аттракция и аффиляция.

Key words: regional safety, federal center, federal subjects, the periphery, ethnic experience and affiliate.

Многонациональному государству в соответствии с логикой своего существования уготовано иметь федеративную структуру, что является условием его развития, обеспечения синтеза единства и разнообразия, и, наконец, фактором обеспечения безопасности как на национальном (государственном) так и региональном уровнях.

Федерализм, как отмечает российский исследователь Р.Ф. Туровский в своей книге «Политическая регионалистика»¹, можно рассматривать как социальную философию, либеральную идеологию территориально-государственного строительства и как современную политическую

¹ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. 780 с.

теорию. Социально-философский подход говорит не столько о федерализме как о форме территориально-государственного строительства, сколько о федеративных отношениях как *договорных (союзных) отношениях, способствующих интеграции общества* (курсив везде мой – Е.С.)¹. Федерализм как либеральная идеология представляет собой своеобразный «либерализм по вертикали», считая необходимым *наделение политическими свободами региональных сообществ* и, соответственно, регионов как политико-административных единиц². Как современная политическая теория федерализм понимается как *особая форма автономии сегментов*, которая является *одним из принципов поддержания баланса* в многосоставном обществе³.

В каждом из приведенных выше трех подходов неявно, но присутствуют параметры искомым разновидностей безопасности – национальной и региональной. В первом случае это – договорные отношения, которые способствуют интеграции общества. Во втором – политические свободы региональных сообществ. В третьем – определенная самостоятельность частей целого, которая способствует поддержанию баланса между центром и регионами.

Несмотря на то, что региональная безопасность является важнейшим компонентом национальной безопасности России, осознанная интерпретация ее значимости произошла относительно недавно. Это стало возможным с утверждением Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». В Стратегии впервые так много внимания было уделено, как отмечается в документе, «региональному уровню национальной безопасности» и «национальной безопасности на региональном уровне». Так, в ст.82 и 83 упомянутого документа подчеркивается: «Для противодействия угрозам в сфере культуры силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивают эффективность государственно-правового регулирования поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развития межнациональных и межрегиональных культурных связей. Укреплению национальной безопасности в сфере культуры будут способствовать сохранение и развитие самобытных культур многонационального народа Российской Федерации ...»⁴.

Нет сомнения в том, что представленный документ – это новое прочтение проблемы национальной безопасности, вызванное потенциальными угрозами реинтеграции страны, осознание необходимости укрепления центростремительных тенденций, которое бы обеспечило баланс с тенденциями центробежными, всегда присутствующими на определенном уровне в многонациональном государстве.

Заметим, что региональная безопасность в контексте национальной безопасности продолжает занимать умы исследователей, рассматривающих эту проблему под различным углом зрения. Так, И.В. Юрченко в работе «Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России» оперирует понятиями «региональная модель безопасности» и «модель региональной безопасности»⁵. В.П. Солонина в диссертационном исследовании «Региональная безопасность как система направленности и обеспечения устойчивого социального развития» отмечает, что «прослеживается четко выраженная тенденция к превращению регионализма в общемировую тенденцию, в контексте которой регионы начинают играть все более возрастающую роль в жизни различных стран и народов, а также в общемировых процессах в целом»⁶. И.А. Герасимов в работе «Реализация политических решений в контексте обеспечения региональной безопасности» обращается к понятию «управление безопасностью» и поэтому считает, что «федеральный центр, несмотря на наличие общенациональных проектов и программ, делегирует полномочия по решению ряда острых проблем субъектам федерации»⁷.

В рамках предлагаемой статьи под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборо-

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. - Федеральный выпуск. 2009. № 4912 (88). С. 15.

⁵ Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-i-regionalnaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-strategiya-sovremennoi-rossii> (15.01.2017).

⁶ Солонина В.П. Региональная безопасность как система направленности и обеспечения устойчивого социального развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/regionalnaya-bezopasnost-kak-sistema-napravlenosti-i-obespecheniya-ustoichivogo-sotsialnogo> (15.01.2017).

⁷ Герасимов И.А. Реализация политических решений в контексте обеспечения региональной безопасности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-politicheskikh-reshenii-v-kontekste-obespecheniya-regionalnoi-bezopasnosti> (15.01.2017).

ну и безопасность государства»¹. Ввиду того, что общепризнанного в научном сообществе определения региональной безопасности не существует, мы предлагаем ее авторскую трактовку, в соответствии с которой региональная безопасность есть подсистема национальной безопасности, представляющая собой пространство обеспечения сохранности личности, общества, государства, основанная на принципах конституционализма и направленная на гармоничное отстаивание интересов федерального центра и субъектов федерации в политической, экономической, этнокультурной и иных сферах с целью сохранения и последовательного развития страны.

Состояние национальной безопасности РФ обусловлено совокупностью внешних и внутренних факторов, которые часто оказываются неразделимыми. Так, изменение соотношения сил в мировой политике привело к трансформации характера угроз национальной безопасности. Наблюдается ревизия Ялтинско-Потсдамской системы международной безопасности и системы Хельсинских соглашений в Европе. Очевидными результатами стали гражданский конфликт на Востоке Украины и война в Сирии. Миграционный кризис, поразивший Европу в прошлом году, потеряв первополосную значимость в СМИ, сохранил свою актуальность. Он приобрел латентный и оттого не менее опасный характер. Угрозой для внутренней безопасности России стал широкий спектр санкций со стороны стран Запада, который пусть и не достиг первоначальной цели, но в значительной степени доставил проблемы для экономики и социального самочувствия страны.

В предлагаемой статье предпринимается попытка, во-первых, доказать, что территориальная целостность и суверенитет государства и, в конечном счете, национальная безопасность, обеспечиваются не только опорой на конституционные prerogatives Федерации, но и с помощью разумной этнокультурной политики, проводимой в регионах. Во-вторых, показать существование в этой сфере мнимых угроз, заключающихся в придании процессу этнокультурного развития, например, финно-угорских народов России статуса потенциальных, а подчас и реальных угроз.

Наше обращение к финно-угорским этносам России связано с тем, что они являются одним из компонентов в многонациональной структуре Российского государства, на существование которого почти не принято было обращать внимания ни политиками, ни исследователями. И только относительно недавно стало возможным признание существования в России особого славяно-тюркско-финно-угорского суперэтнуса, поскольку «по самому своему генезису и развитию Россия – славяно-тюркская цивилизация с включением финно-угорского и других этнических и культурных элементов, принадлежащих Западу или Востоку»².

Теоретико-методологическим основанием, используемым в данной статье, стал научный подход, предложенный отечественным исследователем С.И. Каспэ в работе «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма». Его подход сложился на основе идей, почерпнутых у некоторых известных, преимущественно западных ученых.

Так, одна из идей, сформулированная в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Ризома», звучит следующим образом: «В противоположность центрированным (и даже полицентрированным) системам, с их иерархическими коммуникациями и предустановленными связями, *ризома – это ацентрированная система, неиерархическая* (курсив везде мой – Е.С.)...»³. В дополнение к предыдущей идее, усиливая логику децентрации, С.И. Каспэ ссылается на Илью Ильина, который считает, что «*децентрация есть способ противостояния любой централизованной власти, санкционированному и освященному властью авторитету в его любой форме*»⁴. Еще одним дополнением является откровение известного авторитета Э. Шилза, утверждавшего, что «наличие центра неизбежно для общества, но *один – единственный центр не способен господствовать над всем обществом и контролировать его. Когда я использую термин «центр», я подразумеваю под ним, в собирательном смысле слова, целый кластер центров и контрцентров*»⁵. Резонирует со словами Э. Шилза утверждение Л. Гринфилда и М. Мартина о том, что «*концепт центра функционирует лишь в тесной связке с концептом периферии. Если центр есть подразделение общества, обеспечивающее его интеграцию, то периферия – подлежащие интеграции элементы, материал, на котором совершается творческая, социогенная функция центра*»⁶.

В использованных С.И. Каспэ работах роль центра совершенно не отрицается, напротив, центр, по Э. Шилзу, «представляет собой, прежде всего, *локусы сосредоточения наиболее значительных социальных действий*, т.е. это такая точка общества, где доминирующие в нем идеи и институты образуют пространство совершения событий, оказывающих критически важные воздействия на членов общества», «*функцией центра является производство и распространение в об-*

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета - Федеральный выпуск № 4912 (88). 2009. 19 мая. С. 15.

² Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможности ответа. Дубна, 2009. С. 94-95.

³ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008. С.11.

⁴ Там же. С.11.

⁵ Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career. P. 1943 // Greenfeld L., Martin M. (eds) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L., 1988. P. 252–282.

⁶ Greenfeld L., Martin M. The Idea of the «Center»: An Introduction // Idem. (eds) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L., 1988. P. 8–22.

ществе сакрального начала»¹. Сам С.И. Каспэ приходит к выводу: «Разумеется, центры *пытаются властвовать над перифериями*; в этом смысле всякая власть стремится к экспансии, к насыщению и пропитыванию собственными эманациями всего социального пространства»² и, наконец, «*усилия центра обычно ограничиваются традициями, недостаточностью ресурсов и возможностей, а так же сопротивлением периферий*, пассивным или активным. *Ответы периферий разнообразны; они колеблются от выраженной или пассивной покорности и самосохранения через изоляцию до попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром*»³.

Как видим, идея оппозиции «центр-периферии» прослеживается практически во всех приведенных фрагментах, и это говорит о том, что «*отношения центров и периферии – не однонаправленное доминирование, но сложная циркуляция взаимных ориентаций когнитивной, нормативной, ценностной и другой природы*, которые к тому же отнюдь не замкнуты в пределах одного общества»⁴.

Иными словами, отношения центра и периферии в условиях современного общества не могут оставаться исключительно субъект-объектными, поскольку такие отношения открывают простор для подавления самоорганизующихся возможностей (в нашем случае финно-угорских субъектов Федерации), для усиления существующих тенденций этнической аккультурации и ассимиляции, ведущих к потере жизнестойкости и национальной идентичности финно-угорских народов России. В условиях аутентичной федерализации, к принципам которой трудно, но неизменно мы возвращаемся, потребуется субъект-субъектный тренд в развитии отношений между центром и периферией.

Региональная безопасность априори является важнейшим компонентом национальной безопасности, однако, по сложившейся традиции этому фактору на страновом уровне уделяется недостаточно внимания, поскольку считается, что региональный уровень не обладает необходимой масштабностью и значимостью, характерных для государственной безопасности. Подобное заблуждение представляется опасным и сложилось оно потому, что субъекты Федерации по вполне объективным причинам не наделены такими функциями, как обеспечение федерального транспорта, путей сообщения, информации и связи, внешней политики и международных отношений, обороны и безопасности, защиты государственной границы и т.д., которые являются в соответствии со ст.71 Конституции РФ предметами ведения Российской Федерации.

При этом субъекты Федерации и их элиты не хотели бы довольствоваться лишь правом решать второстепенные задачи на своей территории. Поэтому присущим для всех федеративных государств является наличие противоречия по поводу разграничения компетенции органов государственной власти федерального центра и субъектов РФ. Противоречие усиливается, если субъект федерации имеет этнический окрас, поскольку национальные субъекты РФ (республики), в разной степени движимые интересами развития и сохранения культуры и языка титульного этноса, хотя и имеют дополнительные предпочтения, которые иногда выходят за пределы прав на защиту языков и культур. Поэтому, безусловно, важным представляется встреча «культурных потоков», следующих одновременно со стороны центра и его регионов. Определяющим в данном случае является наличие границы при соприкосновении этих потоков, которая не может быть незыблемой, но находится в состоянии изменений в зависимости от вызовов, возникающих в острые периоды переживаемого времени. Представляется, что возвращение границы к привычной конфигурации будет означать преодоление кризисной ситуации и компромисс культур.

Акторами изменений чаще всего выступают субъекты РФ, претендующие на больший объем полномочий и в обеспечении национальной безопасности. Исходя из этого, можно предположить, что между содержанием и формой региональной и национальной (государственной) безопасности присутствует определенное противоречие, заложенное самой Конституцией РФ.

Однако эта коллизия, в сущности, имеет совершенно незначительный шанс на превращение в реальную форму угрозы национальной безопасности, поскольку региональная безопасность является собой одно из важнейших условий обеспечения территориальной целостности и государственного суверенитета. Пусть и находится эта прерогатива в ведении Российской Федерации, обозначенная в ст.71 Конституции РФ как «федеративное устройство и территория Российской Федерации».

Надежным механизмом, блокирующим потенциальные конфликты и конфликты реальные между субъектом РФ и федеральным центром является федеральное коллизонное право⁵, ориентированное на правовое разрешение споров по поводу компетенции, т.е. коллизии между нормами федерального законодательства и законами субъектов Федерации. Появление подобного механизма, называемого, например, «в политических системах наиболее крупных латиноамериканских федераций институтом интервенции»⁶, было продиктовано в России стремлением пресечь «парад суверенитетов», который был инициирован самим федеральным центром во главе с Пре-

¹ Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career... P. 251.

² Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма... С. 38.

³ Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career... P. 253-254.

⁴ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма... С. 39.

⁵ Авксентьев В.А. Соотношение конструкции и деструкции в этнических конфликтах // Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 28.

⁶ Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006. С. 221.

зидентом РФ Б.Н. Ельциным. Попытки первого Президента страны внедрить на национальном уровне одновременно демократию, федерализм и рыночную экономику закончились неудачей, едва не приведшей к распаду России. Опасный эксперимент, представлявший собой реальную угрозу национальной безопасности страны, был остановлен усилиями В.В. Путина, ставшего в начале 2000 г. Президентом РФ.

Исторический опыт показывает, что нормативных императивов бывает недостаточно для сохранения статус-кво в этой сфере отношений между центром и регионами, хотя реального противостояния между ними за первое десятилетие XXI века в России зафиксировано не было. Если не принимать во внимание две войны в Чечне, логика объяснения которых лежит не только и не столько в плоскости федеративных взаимоотношений Москвы и Грозного. Послевоенные отношения, складывающиеся между федеральным центром и Чеченской республикой, показывают перекос в пользу республики, и это противоречит предлагаемому в статье балансу региональных и государственных интересов.

С целью обеспечения гарантий региональной безопасности в сфере отношений центра и периферии многонациональной страны необходимо, помимо социально-экономических интересов и потребностей, реально оценивать этнокультурные запросы народов России, проживающих в национальных субъектах Федерации. Разумеется, помня об общегосударственных жизненно важных интересах. И тогда в права должен вступить спасительный, на наш взгляд, баланс этнокультурных интересов – в нашем случае российских финно-угорских регионов (субъектов Федерации) – и общегосударственных (национальных) интересов страны.

В целом можно констатировать: паритет этнокультурных интересов финно-угорских народов России и национальных интересов страны в этой сфере поддерживается. Одним из свидетельств подобного положения дел стала подготовка по инициативе Совета Европы Национального доклада по культурной политике РФ, куда вошли три субъекта Российской Федерации – Омская, Ульяновская области и один из финно-угорских регионов – Республика Марий Эл. В Национальном докладе было отмечено, что «наиболее важной по аналогии с Федеральной целевой программой «Культура России (2012–2018 годы)» является республиканская целевая программа «Культура Марий Эл на 2009–2013 годы», бюджет которой в 2011 г. составил 269,5 млн рублей. В 2011 г. для реализации этнокультурных проектов, инициируемых национально-культурными объединениями, общинами, творческими коллективами были предусмотрены целевые средства в размере 3 783,7 тыс. рублей (что в полтора раза больше по сравнению с 2010 г.). Особое внимание в Республике уделяется как сохранению, так и формированию культурного наследия, что отражено в республиканской целевой программе «Культурное наследие Республики Марий Эл на 2009–2013 годы», бюджет которой в 2011 г. составил 183,4 млн. рублей»¹.

В другом финно-угорском субъекте Федерации – Республике Мордовия – уровень поддержки культуры не менее масштабный: «В последние годы наметились позитивные тенденции в изменении социально-экономических условий жизни финно-угорских народов. Существенно улучшилось финансовое обеспечение реализации государственной национальной политики, в том числе в сфере их этнокультурного развития. В федеральном бюджете Российской Федерации появилась отдельная строка на реализацию мероприятий в сфере межнациональных отношений. С 2010 г. в форме субсидий были поддержаны десятки финно-угорских мероприятий, проводимых в Республике Мордовия, Республике Коми, Республике Марий Эл, Удмуртской Республике и др. Структурный анализ финансового обеспечения реализации этнонациональной политики Республики Мордовия показывает, что 65,0 % всех предусмотренных финансовых ресурсов (более 18,7 млрд. руб. в абсолютном выражении) обеспечивается за счет средств федерального бюджета, 19,6 % (5,6 млрд. руб.) составляют средства республиканского бюджета»².

Приведенные примеры разумной этнокультурной политики показывают, что поддержка региональных инициатив в сфере культуры, содействие повышению культурного потенциала финно-угорских регионов России и есть один из значимых факторов обеспечения национальной безопасности страны.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что не может лишь дисбаланс интересов в этой сфере привести к угрозе безопасности страны, однако, считаем возможным утверждать, что упомянутый дисбаланс может по принципу «домино» стать дополнительным фактором для «торпедирования» национальной безопасности российского государства.

В обозримой исторической ретроспективе финно-угорские регионы России никогда не были территориями нестабильности и серьезного военного противостояния, поскольку освоение с древности пространства, занимаемого в настоящее время современной Россией, происходило за счет мирной колонизации великороссами территорий, населяемых финскими племенами.

¹ Обзор культурной политики в Российской Федерации: Аналитический доклад / Совет Европы (Council of Europe). Отв. ред. К. Разлогов, Т. Санделл. Ульяновск, 2013. С. 77-78.

² Бусалова С.Г., Макейкина С.М. Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации государственной национальной политики в сфере этнокультурного развития финно-угорского социума. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2013/2/119-123.pdf> (10.01.2017)

Как отмечает знаменитый русский историк В.О. Ключевский, «финские племена водворялись среди лесов и болот центральной и северной России еще в то время, когда здесь не заметно никаких следов присутствия славян»¹, «вообще говоря, встреча Руси и Чуди имела мирный характер. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях великороссов не уцелело воспоминаний об упорной и повсеместной борьбе пришельцев с туземцами. Характер финнов содействовал такому мирному сближению обеих сторон. Финны при первом своем появлении в европейской историографии отмечены были одной характерной чертой – миролюбием, даже робостью, забитостью»², «происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Могли случаться соседские ссоры и драки; но памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний»³.

В более поздние времена, уже став составной частью Российской империи, территории, населенные финно-угорскими этносами, стали фрагментами российских губерний и уездов и, соответственно, никакой самостоятельностью не обладали. Однако это не помешало им, несмотря на мощный процесс русификации, сохранить свою национально-культурную идентичность с опорой на этническую аттракцию⁴, что, по Э. Шилзу, в отношении между центром и периферией порождало пассивное сопротивление периферии. Хорошо известен исторический факт массовой миграции марийцев с мест традиционного проживания в междуречье Волги и Камы на Урал. Это был своеобразный пассивный протест насильственному крещению, однако, признаков вооруженного сопротивления он не имел.

В годы советской власти эти национально-территориальные образования, получив статус автономий, так же не стали источниками сепаратистских настроений, поскольку даже географически, кроме Республики Карелия, они располагаются вдали от границ и не в европейской части страны. Так, из соображений геополитического характера в 1940г. Карельской АССР был присвоен статус союзной республики, шестнадцатой по счету в СССР. Карело-Финская ССР преобразована в Карельскую АССР в июле 1956г. в знак доброй воли и отсутствия у СССР агрессивных целей в отношении Финляндии и по причине изменения национального состава ее населения не в пользу коренного населения.

Распад СССР, резко усилив в России центробежные тенденции, привел финно-угров к естественному и в то же время романтическому по своему содержанию процессу пробуждения национального самосознания. Финно-угорские народы России в очередной раз оказались в состоянии этнической аффилиации, т.е. испытали чувство принадлежности к родственному этнокультурному сообществу.

В силу присущего для политики свойства инклюзивности в иные сферы человеческой деятельности характерным для 90-х годов XX в. стало проникновение в сферу этнических отношений проблемы распределения власти, распоряжения властными полномочиями. Этот процесс в субъектах Федерации был неминуем в условиях демократизации всех сторон общественной жизни и получил различное организационное оформление. Поэтому общественные объединения и движения финно-угорских народов не могли быть не вовлеченными в этот неоднозначный процесс политизации этничности, хотя главной их целью были и остаются забота о сохранении языка и культуры народов. В конечном счете, в проникновении политики в сферу этничности не было ничего противоестественного и антиконституционного. Проблема заключалась в границах распространения этого явления и осознания национально ориентированными региональными элитами предела этих границ.

Российские финно-угорские этносы, будучи толерантными и консервативными в смысле поддержания существующего статус-кво, всегда тяготели к России. И даже в период определенной децентрализации страны не доставляли хлопот для российского руководства. Однако их естественное стремление к этнокультурной самодостаточности, развитию и укреплению отношений с государствами финно-угорского сообщества (Венгрия, Финляндия и Эстония) ради сохранения своих языков и культур как, впрочем, и самих этносов, возводятся некоторыми авторами в ранг угроз безопасности страны. Эти авторы, нагнетая обстановку вокруг российских финно-угров, конечно же, не оперируют подобным масштаба понятиями, но от этого их замысел менее тревожным не становится. Как справедливо отмечает А.А. Прохожевым, «зачастую анализ угроз национальным интересам России подменяется анализом вызовов; потенциальные угрозы не отделяются от реальных, нередко в ряду реальных угроз анализируются мнимые, не имеющие под собой реальной почвы»⁵.

Так, в работе Ю.П. Шабаева и А.М. Чариной «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ)» рассматривается политическая эволюция этнонациональных движений финно-угров РФ. Однозначные выводы о господстве националистических тенденций над гражданскими, о политизации этничности и культурной мистификации в рам-

¹ Ключевский В.О. Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса / Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991. С. 41.

² Там же. С.42.

³ Там же. С.42.

⁴ Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. Мн., М., 2001. С. 30.

⁵ Общая теория национальной безопасности / Под общ ред. А.А. Прохожева. М., 2005. С. 129.

как финно-угорского социокультурного феномена представляются гиперболизированными и безосновательно возведенными в ранг опасности для целостности России. Естественное стремление финно-угорских народов России к определенному уровню самоорганизации в виде крепнущих субъектов федерации не противоречит интересам российского государства, напротив, за счет реализации принципа федерализма в виде разделения властей по «вертикали» происходит децентрализация и деэтизация государства и как следствие усиление ее политической устойчивости.

Работа В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева «Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу» посвящена критическому анализу, по мнению авторов, искусственно созданной финно-угорской проблемы, в постановке которой заинтересованы определенные политические силы на Западе. Признавая, с одной стороны, факт того, что в России «этнонациональная политика в целом, а особенно политические практики региональных властей не всегда последовательно демократичны и научно обоснованы, не в полной мере соответствуют действующим юридическим нормам...»¹, с другой – авторы, оставаясь в плену конфликтофобских настроений, не смогли дистанцироваться от однозначно негативной интерпретации этнических (этнополитических) конфликтов в России.

Подобная позиция характерна для исследователей конфликтов, которые оценивают конфликты как явления деструктивного характера. К таковым, по оценке известного отечественного конфликтолога В.А. Авксентьева, относятся этноконфликтологи. Ими «этнический конфликт трактуется в современной мировой этноконфликтологии однозначно как зло, как деструкция. При этом возможный конструктивный потенциал этнических конфликтов в этих публикациях не обсуждается даже как некоторая вероятность или желательность»².

Причина указанной патологии в том, что современные научные школы в этнической конфликтологии сложились не на основе конфликтологических школ, а на основе этнологических школ примордиализма, конструктивизма и инструментализма, в которых нет постулата о конструктивной функции конфликта. Поэтому перспективной является позиция, когда исход конфликта завершается созданием новой системы отношений между субъектами конфликта. При условии, что в их новом взаимодействии прежний конфликт считается исчерпанным.

Таким образом, мы убедились, что презентация некоторыми учеными тезиса о национально-региональном сепаратизме финно-угров создает опасные прецеденты ложных умозаключений, которые могут привести, с одной стороны, к запретительного характера действиям со стороны федерального центра по отношению к их этнокультурной самодостаточности, с другой – к культурной деградации и искусственной ассимиляции этих народов в случае отказа от собственно этнической и шире – групповой идентичности финно-угорских этносов. Обе тенденции упрочению региональной безопасности не способствуют. Перспектива сохраняется за соблюдением паритета этнических, социально-экономических интересов финно-угорских регионов, его жителей и государственных интересов России в целях обеспечения ее национальной безопасности.

В качестве общего вывода по статье следует отметить, что между содержанием и формой региональной и национальной (государственной) безопасностей существует определенное противоречие, заложенное самой Конституцией РФ, однако, оно не перерастет в реальную формы угрозы национальной безопасности, если и региональная безопасность будет восприниматься как один из важнейших сегментов обеспечения территориальной целостности и суверенитета государства.

Библиография

- Авксентьев В.А. Соотношение конструкции и деструкции в этнических конфликтах // Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002.
- Бусалова С.Г., Макейкина С.М. Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации государственной национальной политики в сфере этнокультурного развития финно-угорского социума. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2013/2/119-123.pdf> (10.01.2017)
- Герасимов И.А. Реализация политических решений в контексте обеспечения региональной безопасности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-politicheskikh-reshenii-v-kontekste-obespecheniya-regionalnoi-bezopasnosti> (15.01.2017).
- Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Ключевский В.О. Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство великороссии и на племенной характер великоросса / Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1991.
- Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. Мн., М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001.
- Обзор культурной политики в Российской Федерации: Аналитический доклад / Совет Европы (Council of Europe). Отв. ред. К. Разлогов, Т. Санделл. Ульяновск: ООО «Мастер студия», 2013.
- Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2005.

¹ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2007. № 196. С. 3.

² Авксентьев В.А. Соотношение конструкции и деструкции в этнических конфликтах // Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 95.

Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможности ответа. Дубна: Феникс+, 2009.

Солонина В.П. Региональная безопасность как система направленности и обеспечения устойчивого социального развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/regionalnaya-bezopasnost-kak-sistema-napravlenosti-i-obespecheniya-ustoichivogo-sotsialnogo> (15.01.2017).

Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2007. № 196. С. 2–28.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета – Федеральный выпуск. 2009. № 4912 (88). С. 15.

Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-i-regionalnaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-strategiya-sovremennoi-rossii> (15.01.2017).

Greenfeld L., Martin M. The Idea of the «Center»: An Introduction // Idem. (eds) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1988. P. 8–22.

Shils E. Center and Periphery: An Idea and its Career. P. 1943 // Greenfeld L., Martin M. (eds) Center: Ideas and Institutions. Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1988. P. 251–282.

References

Avksent'ev V.A. Sootnoshenie konstrukcii i destrukcii v jetnicheskikh konfliktah // Demokratija: konfliktnost' i tolerantnost' / Pod red. V.S. Rahmanina. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2002.

Busalova S.G., Makejkina S.M. Aktual'nye voprosy finansovogo obespechenija realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v sfere jetnokul'turnogo razvitija finno-ugorskogo sociuma. URL: <http://csfu.mrsu.ru/arh/2013/2/119-123.pdf> (10.01.2017)

Gerasimov I.A. Realizacija politicheskikh reshenij v kontekste obespechenija regional'noj bezopasnosti. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. Krasnodar, 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-politicheskikh-reshenii-v-kontekste-obespecheniya-regionalnoi-bezopasnosti> (15.01.2017).

Kaspje S.I. Centry i ierarhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2008.

Kljuchevskij V.O. Jetnograficheskie sledstviya russkoj kolonizacii Verhnego Povolzh'ja... Vlijanie prirody Verhnego Povolzh'ja na narodnoe hozjajstvo Velikorossii i na plemennoj karakter velikorossa / Istoricheskie portrety. Dejatel'nost' istoricheskoi mysli. M.: Pravda, 1991.

Krys'ko V.G. Social'naja psihologija: slovar'-spravochnik. Mn., M.: VLADOS-PRESS, 2001.

Obzor kul'turnoj politiki v Rossijskoj Federacii: Analiticheskij doklad / Sovet Evropy (Council of Europe). Otv. red. K. Razlogov, T. Sandell. Ul'janovsk: OOO «Master studija», 2013.

Obshhaja teorija nacional'noj bezopasnosti / Pod obshh red. A.A. Prohozheva. M.: RAGS, 2005.

Pantin V.I. Mirovye cikly i perspektivy Rossii v pervoj polovine XXI veka: osnovnye vyzovy i vozmozhnosti otveta. Dubna: Feniks+, 2009.

Solonina V.P. Regional'naja bezopasnost' kak sistema napravlenosti i obespechenija ustojchivogo social'nogo razvitija. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora sociologicheskikh nauk. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/regionalnaya-bezopasnost-kak-sistema-napravlenosti-i-obespecheniya-ustoichivogo-sotsialnogo> (15.01.2017).

Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2007. № 196. С. 2–28.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета – Федеральный выпуск. 2009. № 4912 (88). С. 15.

Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Ростов-на-Дону, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-i-regionalnaya-bezopasnost-kak-politicheskaya-strategiya-sovremennoi-rossii> (15.01.2017).